

Александр Суконик

Спаси нас,
доктор
Достойевски

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2010

ББК 84(2Рос=Рус)6
С 89

Суконик А.

С 89 Спаси нас, доктор Достойевски! — М.: Языки славянской культуры, 2010. — 592 с.

ISBN 978-5-9551-0373-0

Эта книга о выборе судеб российскими интеллигентами, о крайности таких выборов, как у нас это часто бывает: либо эмиграция, либо уход в национализм. Выбор иссушения рационализмом, или полный отказ от рационального подхода к действительности во имя сохранения междусобойной душевности. Еще эта книга — анатомия эмиграции семидесятих годов из Советского Союза, книга об исчезнувшем мире шестидесятников, то есть, можно сказать, историческая, или же ископаемая книга.

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-9551-0373-0

© А. Суконик, 2010

© Языки славянской культуры, 2010

Ч А С Т Ь 1
Приготовление к роману
Имитация мемуара

...В возрасте шести лет меня привозят на балет «Спящая красавица», и я ужасно пугаюсь Злой феи. Многие дети на моем месте испугались бы, но я, кажется, иду дальше и изобретаю игру: те люди, которые наиболее добры к мне, — это злые феи, а те, кто враждебен, кого боюсь, — на самом деле феи добрые. Мать наклоняется над кроватью перед сном — автоматическая реакция: вот она, злая фея. Кто-то испугал на улице — тут же мысль: вот самый добрый в мире человек. Игра с двумя выигрышами: сладким ощущением бездонности мыслимого и обезвреживанием внешней опасности. Но не безобидная игра, потому что потеряна способность опереться хоть на что-нибудь. Хоть на какую-нибудь безусловность, хоть на какой-нибудь статус-кво. Теперь неуверенность во всем, которая подталкивает к движению в поиске нового статус-кво. (И скрытая ностальгия по покою, который существовал раньше). Короче говоря: стали левшу переучивать писать правой рукой, и с тех пор всю жизнь путает левую сторону с правой... но не без пользы...

...Какой мне видится теперь довоенная Одесса моего детства? От потери темперамента к старости становись сентиментален и примирителен. Вижу солнце сквозь листья каштанов, столбики белых цветов на них, Воронцова, обрамленного цепями, льва и львицу в Городском саду. Я всегда не любил Одессу (ее плотскость, провинциальность, ее ненавистное мне остроумие), но те яростные чувства отмерли: Одесса так далеко! Впрочем, яростные чувства начинаются с послевоенного юношества, так что я смещаю времена (результат умственного процесса), и слово «всегда» должно быть взято в кавычки...

...Бонна Юлия Августовна была немка. Несомненно, ленивая и глупая женщина, потому что не научила меня ни слову по-немецки. Вина некультурных родителей: наняли бонну, как было положено по их советскому буржуазному статусу, и не потрудились хоть чуть-чуть расспросить ее. (Братья Хяютины, дети профессора Хяютина из соседнего подъезда, были между тем прекрасно обучены языку их бонной). Но не завидую: Юре и Лёле досталась в наследство от родителей культура, мне — первобытные страсти. Ум не может породить страсти, а страсти могут возбудить ум (особенно, если они безвыходные)...

...Вырезали с Юлией Августовной цветные аппликации — единственное, что помню. После войны она пришла навестить нас (жила

тогда в доме призрения), такая старушенция, все вспоминала эти самые аппликации. Равнодушное недоумение с моей стороны, к тому же альбомы пропали во время войны. А вот альбом с рисунками сохранился, потому что я взял его с собой в эвакуацию, так что рисунки помню как сейчас: в неправильных пропорциях перерисовка пограничника Карацупы с его псом Джульбарсом огромный мифический самолет «Максим Горький». Ледокол «Челюскин», застрявший во льдах. Позже в этом же альбоме появились рисунки военного времени: летчик Гастелло, врезающийся со своим штурмовиком в колонну немецких войск. Немцы бегут в панике, взрыв, дым. Я научился изображать дым, кроша грифель на бумагу и растирая его пальцем: наслаждение формальным приемом...

...Непосредственное воспоминание о детстве, как о рае. Будто речь идет о крохотной принцессе, сидящей в пестике раскрывшегося цветка и умываемой росой. Сказочность, только действительно ли первичная? Или начисто придуманная, изготовленная из каких только возможно культурных стереотипов, накопленных за семидесятилетнюю жизнь? Говорят, что память *отсеивает*, а только правда ли это? То есть, наоборот, не присеивает ли? Но главное, что есть в слове «райское», — это недвижность счастья...

...Написать роман, идея которого — движение. Время действия — советская власть. Странное время искусственного счастья. Как нас будут помнить в будущем, изучая по учебникам, поймут ли этот момент? «Движенья нет, сказал мудрец брадатый. Другой смолчал и стал пред ним ходить». После полутора веков (конец 18-го — начало 20-го) ускоряющегося движения России куда-то и к чему-то (теперь никогда уже не узнать куда и к чему именно) советская система утверждает идею недвижности. Было отмечено, что на протяжении нашей истории люди, которыми овладевала идея движения, казались чем-то смешны, а те, кто предпочитали статус-кво, каким-то образом умудрялись выглядеть в конечном счете благообразно (царь Николай II; Степан Никифорович из «Скверного анекдота»). Советская власть, взяв это на учет, сделала так, что даже самые ужасные покровители статус-кво более не были ужасны, а превратились в мудрых и благообразных Отцов и Покровителей народа под прикрытием идеи движения к вершинам коммунизма: «речка движется и не движется». Никаким

славянофилам и почвенникам из прошлого века даже не снился такой успех, потому что все равно они были на нашем фоне, так или иначе, люди движения и, значит, в чем-то смешны и не солидны. У нас же все становились благообразны (если даже не все становились мудры), и никто более не хотел быть смешон. Граница, за чертой которой люди становились смешны, была придвинута к человеку для его собственного интереса настолько вплотную, что он ее постоянно ощущал, даже может быть всем телом. Например, ктонибудь не выдерживал и рассказывал одному-двум приятелям «эдакий» анекдот, люди улыбались, но этот человек почти тут же получал десять лет срока, так что теперь уже в его адрес законно усмехались и крутили пальцем около головы: мол, стоило ли жертвовать жизнью и благополучием близких ради такого ничтожного жеста. В этом смысле наше общество ушло куда вперед от предыдущего, и советский человек законно гордился собой. В нем было что-то окончательно увесисто зрелое, но стоило ему начать двигаться, он тут же становился несерьезен, даже если он был академик Сахаров. Это теперь Сахарова превратили в монумент, к которому бегут кланяться западные либералы и бывшие гебисты, дебильная толпа телевизионных шоу и всякие там журналисты. Во времена же советской жизни коллеги Сахарова, которые отказывались подписывать его взбалмошенные и наивные письма, знали другое...

...Этот человек был дитя искусственного времени, которое изобиловало ужасами, но одновременно было крайне стилизовано и создало стилизованную породу людей, именуемую советским человеком...

...Он принадлежал к специфическому разряду людей, именовавшихся «непечатаемыми писателями». Многие из этих людей эмигрировали в начале семидесятых годов, и тогда печальный юмор их ситуации выявился во всей полноте. Советская изоляция сделала свое дело, Россия жила на уровне детских фантазий. Если кого-нибудь публиковали в заморском университетском сборнике, предполагалось, что этот человек стал на Западе знаменит или, по крайней мере, хорошо известен, и теперь ему там любая дорожка скатертью. С Запада приезжали профессора славистских факультетов, пили и гуляли со здешними непечатаемыми авторами, а заодно набирали материал для своих публикаций, диссертаций и карьер (факт не слишком ими афишируемый). Но они вовсе не занимались дезинформацией и не приглашали

эмигрировать: им это было кроме всего невыгодно, писатели у себя на родине куда большего для них стоили. Эти слависты были членами изолированной академической секты, которая имела мало отношения к культурной жизни их собственных стран, никак на нее не влияла, и потому в нее стекались отнюдь не самые способные люди. Но в России такая довольно очевидная мысль никому не приходила в голову по той простой причине, что они занимались нами, нашей культурой, а разве мы не находились в эпицентре интересов всего цивилизованного мира!?..

...Кто-то в компании говорит: двадцатый век — век перемещенных лиц. Поглядите: много ли среди нас людей, которые родились в этой стране? И, если даже родились здесь, где родились их родители? (Сидим в нью-йоркской квартире, разноязыкая интеллигенция.) Действительно: две войны, два чудовищных режима, и сколько массовых перемещений! Почти все мы дети массовых перемещений, должно это как-то отразиться на наших личностях?...

...Изобразить в романе: 1941 год, июнь. Персонажу романа восемь лет, до сих пор он живет в истинном раю, даже не ходит в детский сад, потому что у него бонна Мария Карловна. Бонна-немка должна учить его немецкому языку, но либо не умеет, либо ленится, видя, что несведущие родители не обращают внимания, так что действительно рай. Так что действительно, спасибо советской власти за счастливое детство, как, кстати, гласит плакат, который висит напротив дома над кинотеатром Горького, изображая счастливого товарища Постышева, окруженного счастливыми детьми. Но счастливая, то есть расстроенная мать, глядя на плакат, почему-то шепчет: «Действительно, спасибо товарищу Сталину за счастливое детство!» — значит, товарища Постышева уже расстреляли, и на плакате под соответствующим лозунгом теперь сидит товарищ Сталин. И вот в этот рай (жизнь в котором неизвестно до какой райской степени развивалась бы дальше для человека, который не уверен, где у него правая, а где левая сторона) вторгается война. Иными словами, во внутренний мир иллюзий и игр в черное и белое вторгается внешний мир. Рай заканчивается, метафизический страх перед Злой феей отходит на задний план, наступает жизненно реальный страх перед немцами. Страшились не столько бомб, сколько сказочно угрожающих фашистских десантников-авто-

матчи́ков, которые в любой момент могут упасть с неба. Пока же на южный город, который расположен не так уж далеко от границы и будет в конце лета захвачен немцами, падают бомбы. Эпизод: жаркий летний вечер, балконы дома забиты коммунальными соседями, семья на семье, всё как в итальянских фильмах. В небе возникает тоненький звук самолета, никакого сигнала тревоги, и вдруг — бум! — сильнейший взрыв, напротив дома упала большая фугаска, разворотила яму, в которую может (как потом окажется) въехать грузовик. Какая тут начинается паника! Люди бросаются к черному ходу, который ведет к подвалам-бомбоубежищам. Но лестницы черного хода узкие, во-все не приспособлены для такого случая, чудовищная и в то же время с комическим оттенком давка, истерические материнские вопли: «Дима (или Леня, или Бэлла) где ты-ы?!» (Персонаж хоть и мал, но запоминает этот эпизод в юмористическом ключе, что указывает на его многообещающую способность к отчуждению.) Постепенно бомбежки настолько усиливаются, что приходится практически жить в подвалах. Сырость, коптящие свечки, люди семейными кучками, что-то тягостное, унижительное. Будто жизнь в доисторических пещерах. К тому же страх, что дом разбомбят, и все будут погребены под обломками...

...Подвалы были приспособлены под хранение угля и дров на зиму и четко поделены внутри — сперва между квартирами, а затем между соседями по квартирам. Но у нас был свой отдельный маленький подвал, и однажды отец во время тревоги оставил меня там одного. Глядя на стену, я вдруг увидел, что стена начинает двигаться. Почти сразу я понял, что по стене вдоль трубы движется лента из крыс, и замер от страха. Но что было делать? Мальчик, которому в будущем предстояло стать человеком действия, выбежал бы из подвала, заорал бы, привлекая внимание людей, что-нибудь в таком роде. Но мне не предстояло стать человеком действия, и потому я продолжал сидеть, оцепенев и поневоле испытывая не просто страх, но — коли попадал под его власть на неопределенное время — своеобразное наслаждение страхом. Или, по крайней мере, задумчивость перед его лицом. Вот это последнее обычно не принимается во внимание, когда описываются подобные ситуации, и сюжет кролика или обезьяны, загипнотизированных питоном, трактуется, как правило, однозначно (как у Кипплинга в «Маугли»). А, между прочим, напрасно. То есть если

речь идет буквально о кролике, который будет буквально съеден питоном, тогда все нормально. Кролик оцепенеет, потом замрет, потом задумается и *издаст писк*, но этот писк не будет никем услышан, потому что кролика тут же не станет на свете. Но с людьми выходит несколько иначе. Разумеется, жизнь многих людей тоже заканчивается так, что они и пискнуть не успели. Но это случается далеко не со всеми (о гуманность человечества!). Не всех человеческих кроликов пожирают человеческие удавы (а также тигры, львы, пантеры, волки и т. д.), и тогда случается любопытное. Кролик, который вместо того чтобы бежать, застыл и задумался, уже не прежний кролик, даже если он этого не понимает. Что-то в нем отмерло, зато что-то другое произошло и, народившись, никогда не уйдет от него. Это что-то другое имеет отношение к упомянутому выше писку, хотя, если мы говорим о людях, которым удалось избежать немедленного заглатывания, у них этот писк может растянуться на долгие годы, так что, может быть, следует найти какое-то другое слово. Впрочем, по размышлении одним словом тут не обойдешься, равно как даже группой слов, потому что речь идет... речь? Опять ошибка: не речь, а то, что служит причиной появления речи, нечто, что невозможно ни описать, ни назвать, о чем только можно судить, исследуя его последствия, и тогда возникают с равным правом полярно противоположные слова, такие, например, как страсть и бесстрашие, жестокость и сострадание, смерть и бессмертие, даже добро и зло — и если мы попытаемся вспомнить, какое же человеческое состояние наиболее соответствует всем этим словам одновременно, то вспомним пушкинского Поэта и заключим, в свою очередь подражая эху: таков и ты, поэт...

...Конечно, я не утверждаю, будто непроглоченный кролик каким-то чудом тут же обретает способность производить искусство. Искусство — это ведь тоже слова (или краски или видеообразы), то есть искусство тоже выступает представителем чего-то, по отношению к чему оно является следствием и частным случаем. Кроме того, если какой-то человеческий кролик проявляет вдруг способность к искусству, кто может доказать, что у него это не от врожденных способностей? Впрочем, и противоположное не может быть доказано: мир людей — это не мир зверей. В мире зверей скачет и пасется огромное количество кроликов, которым никогда не попасть под мертвающий взгляд хищника (иначе кролики давным